

Оглавление

Глава I. Суббота, 6 июня 1992 года, восемь утра	11
Глава II. Понедельник, 6 апреля 1992 года	23
Глава III. Вторник, 7 апреля	31
Глава IV. Среда, 8 апреля	51
Глава V. Пятница, 10 апреля	56
Глава VI. Среда, 15 апреля	71
Глава VII. Среда, 15 апреля, вечер	80
Глава VIII. Пятница, 17 апреля	87
Глава IX. Пятница, 24 апреля	93
Глава X. Воскресенье, 3 мая	124
Глава XI. Пятница, 8 мая	128
Глава XII. Понедельник, 11 мая	137
Глава XIII. Конец мая	145
Глава XIV. Среда, 27 мая	151
Глава XV. Четверг, 28 мая	161
Глава XVI. Суббота, 6 июня	191
Глава XVII. Суббота, 6 июня 1992 года, полдень	203
Глава XVIII. Четверг, 11 июня	207

ГЛАВА I

*Суббота, 6 июня 1992 года,
восемь утра*

С утра не текла вода из крана. Кап-кап, две младенческие отрыжки, дальше сухо.

Я сходил к соседке: нет, у них вроде все в порядке. Вы, наверно, общий кран у себя перекрыли, не иначе. Я? Да я не знаю, где он есть, этот общий кран. Я вообще сюда только что вселился, понимаете, я дома только ночую. Ничего себе! Так вы когда на неделю уезжаете, значит, не перекрываете воду с газом? В общем-то нет... Хорошенькое дело, дайте мне войти, я посмотрю.

Она открыла шкафчик под раковиной и что-то ткнула, и вода опять пошла. Видите? Там было перекрыто. Да? Прошу прощения. Голова уже не работает. Ничего, все бывает, тем более живете один, сингл!

И соседка покинула помещение на этой английской ноте.

Спокойствие. Полтергейстов не существует, они только в фильмах. Я и не сомнабула, так как и во сне не знал о существовании этого крана, а если бы знал, то закрутил бы в реальной жизни, потому что из душа все дни капало и это очень мне мешало спать, шлеп и шлеп в душевой кабине, так сходил с ума Шопен

в Вальдемосе. И я просыпаюсь, и бреду в эту чертову ванную, и захопываю две двери: которая из ванной и которая из спальни в коридор.

Это не могло произойти, ну не знаю, от короткого замыкания... Замыкание не имеет отношения к кранам, у крана рукоять, на то она и рукоять, ее крутят рукой. Это не могла быть крыса, крысы краны не перекрывают. Там такое допотопное колесико металлическое. В этой квартире всему, что есть в ней, не меньше пятидесяти лет. Ржавое колесико. Только рукой можно было его завернуть. Как ни крути. Чьей рукой? Гуманоида? У меня нет дымохода, по которому могла бы забраться сюда обезьяна с улицы Морг.

Так, давай все опять по новой. Любое последствие имеет причину, так принято думать. Чудеса исключаются в принципе. Не станет Вседержитель морочить себе голову моим душем, это не Красное море. Ищем в мире рационального: рациональное следствие, рациональная причина. Вчера перед сном я принял штильнокс. Запил водой. Значит, вода вчера шла из крана. А сегодня не идет. Следовательно, друг Уотсон, она была перекрыта ночью кем-то. Не мной. Этот кто-то или эти кто-то влезли ко мне в квартиру и небось опасались, что не они меня разбудят (будучи на мягких лапах), а что разбудит меня капанье из душа, которое и им сильно действовало на нервы.

Небось подумали: не ровен час, капли меня разбудят.

И проявили смекалку. Перекрыли, как постоянно делает и моя соседка, всю в квартире воду.

Ну и что? Перекрыли — и что?

Книги в обычном порядке, в обычном беспорядке. Если бы здесь потрудились тайные службы всего мира и все насквозь перелистали, я бы, ей-богу, ничего не заметил. Бессмысленно лазить по ящикам, шкафам. Если они что-то выведывали, их мог интересовать только компьютер.

Может статься, они для экономии времени просто перекопировали все и ушли. И сейчас сидят, открывают файлы, постепенно убеждаясь, что в файлах нет совершенно ничего интересного.

Что они искали? Совершенно ясно — то есть я хочу сказать, что другого объяснения не вижу, — искали что-то о газете. Они же не идиоты. Предположили, что я копировал работу, которую мы делали в редакции. А следовательно, что, если я получил какие-то сведения от пресловутого Браггадоччо, я их тоже якобы скопировал. На диск или дискету. Нечего и сомневаться: этой ночью они должны были наведаться и в редакцию. В которой они дискет не нашли. И теперь они думают-гадают (задним числом) и переживают, решив, что у меня дискета лежала в кармане. Ну мы же и идиоты, шипят они теперь сами себе. Не проверили карманы пальто.

Идиоты? Ничтожества. Будь они хоть кем-нибудь, не занимались бы подобной деятельностью, это уж точно.

Теперь попробуют опять, по принципу похищенного письма. Наскочат на улице, разыграют случайное ограбление. Надо их упредить. Давай-ка я отправлю этот диск сам себе до востребования, а востребовать его погожу.

Какой диск? Никакого диска нет в природе.

Ну и глупости приходят мне в голову, учитывая, что труп уже налицо, а Симеи ударился в бега. Их не интересуется, знаю ли я что-нибудь и что я знаю. Они уберут меня для порядка, на всякий случай. И я даже не могу послать в газеты объявление, что об известном деле мне ничего не известно, потому что если я посылаю подобное объявление, значит, известно же мне хоть что-нибудь.

Как я вляпался в эту историю?

Виноваты во всем, ясное дело, профессор Ди Самис и мое знание немецкого.

Почему я связываю все это с Ди Самисом, а также с обстановкой сорокалетней давности? Потому что именно из-за Ди Самиса не защитил в свое время диплом. А в эту историю сейчас я влез, потому что в свое время диплом не защитил. Анна ушла спустя два года после женитьбы именно потому, что осознала (ее собственные слова), что я безнадежный неудачник. Интересно, кем же я казался ей до того. Когда ухаживал.

Я не защитил диплом, потому что с детства знал немецкий язык. У меня была тирольская бабушка. В детстве я говорил с ней по-немецки. И с первого курса я стал подрабатывать — переводить книги с немецкого. В те времена кто знал немецкий, тот уже имел профессию. Можно было читать и переводить книги, которые другие не понимали (а тогда эти книги считалось важным цитировать в диссертациях), и платили за это лучше, чем за французский и даже за английский. В сегодняшние времена в аналогичной роли выступают китайский и русский.

Однако, к сожалению, одно из двух: или ты переводил с немецкого, или ты кончал университет. Одно было с другим несовместимо. Те, кто переводили книги, сидели дома в приятном тепле или в приятной прохладе, в тапочках, и познавали много вещей. Какой для них смысл имело ходить на лекции в университет?

От чистой лени я поступил на германистику. Можно будет там не перенапрягаться, думал я, потому что я и так уже все знаю. Среди профессуры в те времена главенствовал профессор Ди Самис. Он сидел в так называемом «орлином гнезде» наверху барочного здания, находившегося в аварийном состоянии, куда взбирались по циклопической лестнице и попадали в гомерический холл. Оттуда открывалась дверь в помещение Ди Самиса и вторая дверь в Актовый зал, как его пышно именовал сам Ди Самис: попросту говоря — в аудиторию, рассчитанную на пятьдесят человек.

Заходить к Ди Самису можно было, только надев фланелевые шлепанцы. В предбаннике имелось некоторое их количество, для лаборантов и двух-трех студентов. Кому шлепанцев не доставалось, тот ждал за дверью. Все поверхности были густо намазаны мастикой. Похоже, что и книги. Может, даже и физиономии лаборантов, давно состарившихся за годы, которые они дожидались, когда же их возьмут на кафедру.

В Зале был высокий потолок над готическими окнами (я так и не понял, почему они готические в барочном палаццо). В окнах были зеленые витражи. В условленный час, а именно в час четырнадцать, профессор Ди Самис покидал свое рабочее поме-

щение, сопровождаемый, в трех шагах позади, старшим лаборантом, а еще в шести шагах — лаборантами помоложе, из тех, кому было лет пятьдесят или даже меньше.

Старший лаборант нес за Ди Самисом книги. Молодые несли магнитофон, из тех, которые производились в пятидесятые годы, размером с «роллс-ройс». Профессор превращал десять метров между своими владениями и Залом метров в двадцать. Он не шел по прямой, а выписывал дугу, назовем ее параболой или эллипсом, возглашая: «Ну здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!» Попав в аудиторию, он усаживался на некий покрытый резьбою насест, и все замирало в ожидании торжественного вступления в стиле «Называйте меня Измаил».

Зеленый свет, проходя через зеленые витражи, придавал трупный вид его злорадно улыбающемуся лицу. Лаборанты налаживали магнитофон. И вот, с зачина «В противоположность утверждению уважаемого профессора Боккардо...» брала начало двухчасовая лекция. Зеленый свет наводил на меня зеленую тоску. То же самое читалось в глазах лаборантов. Я всеми нервами ощущал, как они страдают. По окончании второго часа, вслед за тем как мы, студенты, пулями вылетали из Зала, профессор Ди Самис заставлял помощников отматывать ленту в начало, слезал с насеста, демократично усаживался в первом ряду рядом с ассистентами, и все они вместе переслушивали с первого до последнего слова двухчасовую лекцию, причем профессор удовлетворенно кивал на любой пассаж, казавшийся ему существенным. Мне кажется необходимым добавить,

что курс был посвящен проблемам перевода Библии Лютером на немецкий язык.

«Охренеть до чего увлекательно», — ерничали мои сокурсники, закатывая глаза. В определенный момент я (редко появлявшийся на лекциях) спросил профессора, утвердит ли он мне тему диплома «Ирония у Гейне». У Гейне здорово получалось иронизировать над любовными невезениями, поэтому я хотел изучить его метод, чтобы применять к невезениям собственным. «Юноши, юноши, — сокрушенно прошелестел профессор. — Все норовите изучать что-то сегодняшнее...»

Я отчетливо понял, что у Ди Самиса мне диплома не написать.

Имелся еще профессор Ферио, помоложе, с репутацией большого умницы. Он занимался романтизмом и около того. Но люди с опытом меня предупредили, что на дипломе мне все равно не избежать Ди Самиса, потому что если он не будет руководителем, то будет оппонентом, и поэтому ни в коем случае нельзя обращаться к профессору Ферио в официальном порядке, ибо Ди Самису это немедленно доложат и он на меня затаит. Действовать надлежало с великим хитроумием, чтобы профессор Ферио сам предложил мне защищаться у него, тогда Ди Самис затаит не на меня, а на Ферио. Самис и так уже ненавидел Ферио по той простой причине, что в свое время сам пригрел его и взял на преподавательскую должность. В университетах (и тогда, и, полагаю, сейчас) дело устроено обратным образом по отношению к жизни: не дети ненавидят отцов, а отцы детей.

Я замыслил подкатиться к Ферио как-нибудь не-принужденно, во время одного из ежемесячных заседаний, которые Ди Самис устраивал в своем Актовом зале и в которых участвовали многие преподаватели, потому что он обычно приглашал с выступлениями каких-нибудь светил. Обставлялось это так. Сначала выступление, потом обсуждение, на котором открывали рот исключительно преподаватели, а потом вся верхушка шла ужинать в ресторан «У Черепахи», лучший в квартале, со старинным антуражем и подавальщиками во фраках. Из «орлиного гнезда» в обиталище черепахи вела длинная улица с навесом и колоннами, потом пересекали средневековую площадь, заворачивали за угол пышного дворца и переходили еще одну площадюшку помельче. Через портик ораторы шествовали в сопровождении профессуры высшего эшелона, сзади следовали старшие преподаватели, за ними лаборанты, в хвосте — самые неробкие из студентов. На средневековой площади студенты отсеивались. Под стенами дворца откланивались лаборанты. Преподаватели доводили боссов до маленькой площади, до самого ресторана, и там происходило прощание: в ресторан бывали допущены только приглашенный профессор и все, кто в ранге завкафедрой.

До той поры профессор Ферио и знать не знал о моем существовании. А мне уже университет опостылел настолько, что я вообще туда не ходил. Переводил себе дома без продыху... Переводчикам полагается жить по принципу «бери, что дают». Так что я перелагал сладостным новым стилем трехтом-